

A man wearing a wide-brimmed hat and a long, light-colored cloak with a hood stands on a rocky outcrop. He is looking towards a long, winding stone staircase that is built into the side of a massive, dark, and craggy cliff. The staircase leads up and then curves around the cliff face. The scene is set against a bright sky with a sun low on the horizon, creating a strong lens flare and casting long shadows. The overall atmosphere is one of mystery and adventure.

Николай Стэф

Чужой среди вечных

Николай Стэф

Чужой среди вечных

«Автор»

2026

Стэф Н.

Чужой среди вечных / Н. Стэф — «Автор», 2026

Элай Блэквуд — бывший историк, человек, сгоревший на работе и потерявший семью из-за одержимости древними тайнами. Он циничен, умен и недоверчив, но внутри него горит тихое пламя справедливости, которое не дает ему остановиться. Десять лет он искал одну легенду — о лестнице, вырубленной в горе, которая дарует истинный дар тому, кто сможет её найти. Его поиски приводят его в Стоун-Холлоу — маленький городок, затерянный между горных перевалов, где время остановилось, часы на ратуше застыли на 3:33, а жители поклоняются странному культу «Ждущих». Здесь правят свои законы. А местный глава, Аарон Вейн, встречает чужаков с распростертыми объятиями, но его улыбка скрывает ледяную пустоту. Элай быстро понимает, что за фасадом мирного городка скрывается нечто злое. Чем глубже он копает, тем сильнее запутывается в паутине лжи. Сможет ли Элай найти ответы, не став при этом следующей жертвой? И что на самом деле скрывается внутри горы Пик-Рэйвен — врата к истине или дверь в бездну?

© Стэф Н., 2026

© Автор, 2026

Николай Стэф

Чужой среди вечных

Глава 1

Пыль была цвета старой кости. Она висела в воздухе, смешиваясь с клочьями тумана, который сползал с перевала, точно грязное одеяло. Элай Блэквуд стоял на площади городка Стоун-Холлоу и чувствовал, как эта пыль оседает на его коже, смешиваясь с потом. Дилижанс, старый, с облупившейся зеленой краской, который тащили две клячи, похожие на скелеты, уже ушел, оставив его одного в центре этого места, которое даже на картах обозначалось пунктиром. Кучер, угрюмый мужик с лицом, изрезанным ветрами, только сплюнул через плечо, когда Элай спросил, когда он заберет его обратно. «Заберет, — буркнул он, — если туман рассеется и, если вы еще будете здесь». И в этом «если» было что-то такое, отчего у Элая зачесалась шея — там, где обычно начинается нервный тик.

Элаю было сорок пять, но в зеркалах он видел все пятьдесят. Жизнь — штука тяжелая, особенно для того, кто вместо того, чтобы радоваться закату, копается в грязных тайнах прошедших веков. Высокий, сутулый, с плечами, как вешалка для старого сюртука, он выглядел так, будто его сварили из железа и сухожилий, а потом забыли добавить мяса. Его лицо было вытянутым, с резкими скулами и ястребиным носом, который, казалось, вечно приплюснулся к чему-то гнилому. Глаза — цвета увядшего болота, зеленые с желтизной, — сидели глубоко в глазницах, и в них плескалась такая усталость, что её можно было бы разлить по бутылкам и продавать как снотворное. Седые волосы, некогда русые, сейчас были небрежно зачесаны назад, открывая высокий лоб, на котором застыла глубокая морщина — следствие многолетнего хмурого разглядывания древних манускриптов. Одежда его была дорогой, но потрепанной: кожаный плащ, который видал не один дождь, камзол из темной шерсти с вытертыми локтями и высокие сапоги, подошвы которых он собственноручно подбивал по три раза, потому что денег на нового сапожника не было.

Он был бывшим историком и этнографом. «Бывшим» — потому что университетское начальство, которому он преподавал курс о языческих ритуалах, устало от его эксцентричности. А на самом деле — потому что он сгорел. Дотла. Он потерял жену из-за своей одержимости, и это была не метафора.

Её звали Сара. Она была маленькой, светловолосой и пахла яблочным пирогом. Она пыталась вытащить его из рукописей, пыталась напомнить ему, что настоящая жизнь — в их доме, в саду, за завтраком. Но Элай тогда нашел одну старую карту, которая указывала на часовню в горах Трансильвании. Он уехал на три месяца. Когда он вернулся, Сары уже не было. Пневмония забрала её за две недели, а он даже не знал, что она больна. Он не получил ни одного письма, потому что был там, где почта не ходит. Он помнил, как стоял у её могилы, и снег валил ему за шиворот, а он держал в руках ту самую карту, за которую она заплатила своей жизнью. Он хотел сжечь её, но вместо этого спрятал. Тогда же он поклялся себе, что найдет это чертово сакральное, этот мифический центр мира, и, если оно существует, он будет ненавидеть его до самой смерти. Он стал детективом для тех, у кого больше нет ни надежды, ни денег. Он брался за дела, пахнувшие смертью и мистикой, потому что циничный, умный и недоверчивый снаружи, внутри он все еще надеялся отыскать в этом мире хоть крупицу высшего смысла. Чтобы понять: зачем он убил свою жену? Или, если быть точным — он не убивал её, он просто позволил ей умереть, пока гонялся за призраками. Слабость его была в том, что он не умел останавливаться. Сила — в том, что он видел ложь там, где другие видели традиции. Он чуял её, как собака чует запах гниющего мяса под тонким слоем земли.

Дорога через перевал Черного Ворона была адом. Три дня тряски в повозке, которая скрипела так, будто ей отрывали ребра. Но это были цветочки. Ягодки начались тогда, когда они въехали в туман. Он был плотным, влажным и холодным, как дыхание могилы. Элай высунул голову из-за брезента, чтобы подышать, и чуть не заорал от неожиданности. Вдоль тропы, высеченные прямо в сером граните скал, стояли статуи. Они были высотой в человеческий рост, но неестественно вытянутые, тонкие, как спички. Их лица — если это можно было назвать лицами — были обращены к небу, а из каменных глаз текли черные подтеки. Может, это был мох, а может, слюда, которая блестела во влажном воздухе. Но выглядело это так, будто камень плакал.

— Что это? — спросил Элай у кучера, хотя знал, что тот не любит говорить.

— Плакальщики, — кратко бросил тот, не поворачивая головы. — Не смотрите на них долго, мистер. Они не любят, когда на них смотрят.

Элай, конечно же, уставился на них во все глаза. Скульптуры тянулись вдоль дороги десятками, может, сотнями. Их руки были прижаты к бокам, но пальцы неестественно вывернуты наружу. Некоторые были расколоты, некоторые покрыты мхом, но сквозь разводы грязи Элай разглядел грубую, но умелую резьбу. Это были не просто статуи. Это были люди. Точнее — их застывшая агония. Рты некоторых были открыты, и из них тоже текли черные слезы. Элай почувствовал, как дрожь пробегает по его позвоночнику. Он был историком, он знал, что такие статуи часто ставили на границах, чтобы отпугивать злых духов. Но здесь их было слишком много. И они смотрели не на дорогу, а вверх, будто ждали чего-то с небес. Или кого-то.

Городок Стоун-Холлоу оказался именно тем местом, которое он искал все десять лет. Он чувствовал это нутром. Как будто тысячи невидимых нитей, тянущихся от всех его неудач, всех его кошмаров, всех прочитанных книг, сошлись в одной точке, на этой проклятой пыльной площади.

Городок был втиснут между скал, как орех между зубов. Он был маленьким, на удивление чистым, но от него пахло чем-то древним и неживым. Дома из грубого камня и почерневшего дерева лепились друг к другу, образуя кривые улочки, которые уходили вверх, к горе. Гора нависала над городком, как спящий великан, и её темные склоны были покрыты чахлым лесом. Тени от облаков ползли по склонам, меняя очертания, и казалось, что сама гора дышит. Воздух был спертым, с привкусом сырой земли и старого дыма. Здесь, казалось, не было ничего от большого мира, расположенного за перевалом мира. Только лошадиные повозки и редкие керосиновые фонари, которые уже начали зажигать, хотя день еще не полностью сдался темноте.

В центре площади стояла Ратуша. Это было массивное здание из серого камня, с острой конечной башней, напоминающей палец, указующий на небо. Окна ратуши были узкими, бойницами, и в них не горел свет. Дверь была массивной, обитой железом, но покосилась на одну петлю, создавая ощущение, что её никто не открывал уже столетие. На башне висели часы. Они были старыми, с позолоченными стрелками, которые давно потускнели до цвета медного пятака. Стрелки застыли на отметке 3:33. Элай остановился и посмотрел на них, ожидая, что они дернутся или хотя бы дрогнут. Ничего. Они стояли мертво, как рыба, выброшенная на берег. Циферблат был треснут, словно кто-то целился из рогатки, но не попал, а просто оставил паутину мелких сколов. Под часами, на стене, было выбито какое-то число, но оно стерлось от времени. Элай подумал: «Три тридцать три — это возможно что-то означает. Полночь для тех, кто не спит, и рассвет для тех, кто уже умер». И эту мысль он прогнал, потому что она была глупой и поэтичной, а он ненавидел поэзию после того, как жена читала ему стихи по вечерам, а он делал вид, что слушает, хотя видел перед собой только древние карты.

Он перевел взгляд на другие здания. Рядом с Ратушей стояла старая церковь, но без креста. Вместо креста на ее шпиле красовался какой-то странный символ — круг, перечеркнутый диагональной линией. Элай нахмурился. В его богатом архиве символов этого не было. Или он

просто не помнил? Рядом с церковью обнаружилась кузница, но она была закрыта, и из трубы не валил дым. А еще дальше, в конце главной улицы, он увидел Гостиницу «Вечерняя Звезда». Именно туда он и направился.

Гостиница была двухэтажной, с покосившимся крыльцом, на котором стояло пустое кресло-качалка. Оно качалось само по себе, хотя ветра не было. Элай остановился на секунду, разглядывая это кресло, и когда оно дернулось в очередной раз, он отметил про себя: «Просто инерция. Просто ветер». Но ветра не было. Он сглотнул и толкнул дверь.

Внутри было полутемно. Пахло воском, старой древесиной и чесноком. Это была не просто гостиница, но ещё и трактир. Несколько грубых деревянных столов, стойка, за которой стояла женщина, и небольшой камин, в котором весело потрескивал огонь, разгоняя сырость. За столами сидели несколько человек, но они даже не подняли голов. Они смотрели в свои кружки, и Элаю показалось, что они не дышат. Просто сидят, как статуи Плакальщиков, только в одежде.

— Заходите, заходите, мил человек, — раздался голос, ломкий и звонкий, как стекло. — Небось продрогли в дороге? У нас тут сыро, но у огня вас согреем.

Элай подошел к стойке. Женщину, которая его приветствовала, звали Тессой. Она была высокой, под стать ему, но крепкой, как кузнечный мех. Роскошное тело, которое могло бы принадлежать молодой женщине, но ей было за сорок. Кожа её была смуглой, глаза — ярко-голубыми, что смотрелось странно на лице, где вокруг губ уже залегали глубокие морщины. Она казалась человеком, который много смеется, но глаза её были серьезными. Темные волосы были собраны в тугий пучок на затылке, но несколько непокорных прядей выбивались, обрамляя лицо. Она улыбнулась Элаю, и улыбка у неё была широкая, с ямочками на щеках. Она была похожа на доброго, толстого кота, который только что поймал мышь и пришел похвастаться.

— Как вас зовут, — поинтересовалась она.

— Элай Блэквуд — я из большого города.

— А с какой целью вы у нас?

— Я искатель древностей и их секретов, — не стал скрывать Элай.

— Ну или что-то вроде того, — буркнул Элай, снимая плащ и вешая его на крючок. — У вас есть комната?

— О, конечно! — Тесса засуетилась, вытаскивая из-под стойки большую книгу с записями. — У нас много комнат. Редко кто останавливается. В основном проездом. Но сейчас межсезонье, туманы, так что... гостей совсем мало.

Элай осмотрел трактир. На стене висела карта местности, которая выглядела древнее, чем он сам. За стойкой стоял шкаф с посудой, и все чашки были разбиты, но склеены — аккуратные трещины, как паутина, охватывали каждую. Элай подумал, что это либо очень плохой хозяин, либо очень бережливый. Он заказал поесть. Тесса подала ему тарелку с темным ржаным хлебом и миску похлебки, в которой плавали какие-то коренья и зелень, но ни кусочка мяса.

— У вас проблемы с поставками? — спросил Элай, помешивая ложкой густую жижу. — Свинина, говядина — в городе не водится?

Тесса на секунду замерла, но тут же широко улыбнулась, пряча мимолетное замешательство.

— Скотину мы не держим, мистер Блэквуд. Земля у нас каменистая, не родит. Да и мясо нам издалека возят, дорого. Вот и питаемся тем, что гора дает. Грибы, корешки, травы. Но вы не бойтесь, сытно. С голоду не помрете.

Элай кивнул. Он слишком хорошо знал вкус голода, чтобы спорить. Вся его жизнь была голодной. И не только по еде. Он отпил из кружки. Вода была странной — холодной, с металлическим привкусом. Будто в ней растворили старую монету.

Пока он ел, Тесса села напротив него, поставив локти на стол. Она была любопытной, как сорока. Глаза её блестели, и она буквально пожирала Элая взглядом, пытаясь считать с его лица все тайны мира.

— Скучно у нас, — сказала она, вздыхая. — Вы же понимаете, маленький городок. Все друг про друга все знают. А вы — из большого города. Наверняка у вас есть, что рассказать. Вы ведь где только не были? Я слышала, что такие люди как вы, бывают даже в Египте. Там правда пирамиды? А мумии? Они встают по ночам?

Элай улыбнулся, но улыбка была кривой.

— Пирамиды — это просто сложенные камни, миссис Тесса. Мумии... они не встают. Люди встают. И они намного страшнее любых мумий.

— Ой, да вы, я вижу, человек бывалый, — зашебетала она. — И чего же вас к нам занесло? Вы говорили, что ищете старые легенды. А у нас их много. Вон, старики говорят, что в горе живут духи. А в лесу, за перевалом, люди иногда пропадают. Как уйдут за грибами и нет их. А потом находят... ну, вы же понимаете.

— Находят что? — насторожился Элай, отложив ложку.

— Вещи, — таинственно сказала Тесса, понижая голос до шепота. — Пустые ботинки. Или шляпу. А человека нет. Как будто растворился. Говорят, это Лестница виновата.

Элай внутренне замер. «Лестница». Слово, которое он искал десять лет, прозвучало в устах этой простой женщины так обыденно, как если бы она говорила о погоде.

— Что за лестница? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал беспечно.

Тесса оглянулась по сторонам, понимая, что сболтнула лишнего, затем осмотрелась, будто проверяя, не подслушивает ли кто. В трактире было тихо. Посетители, тени в углах, не двигались.

— Есть у нас тут одна старая легенда в городке, мистер Блэквуд. Досталась от прадедов, наверное. Говорят, давным-давно, когда скалы тут были мягкими как воск, к нам пришел человек. Не знаю, пророк или святой, а может демон. И он ушел в гору. Он вырубил в ней ступени, каким-то светящимся инструментом. Лестницу. И сказал нашим предкам: «Тот, кто найдет эту лестницу, поднимется к самой сути. Обретет истинный дар. Увидит то, что сокрыто за завесой». Но она не для всех. Говорят, эта лестница то исчезает, то появляется. Кто ее ищет — тот с ума сходит, если недостоин. А кто найдет... ну, счастливчиков мы не видели, — она горько усмехнулась. — Только пропавшие вещи.

Элай почувствовал, как сердце начинает биться быстрее.

— Красивая история, — сказал он как можно равнодушнее, хотя внутри все кипело.

После ужина Элай поднялся на второй этаж. Тесса дала ему ключ от комнаты — массивную железяку, которая весила полфунта. Номер был маленьким, с низким потолком и одним узким окном, выходившим на площадь. Там стояла узкая кровать с продавленным матрасом, ночной столик, стул и маленький комод с зеркалом. С потолка свисала масляная лампа, она отбрасывала длинные, пляшущие тени. Элай поставил свой саквояж на стул, аккуратно разложил вещи: сменное белье, бритвенный прибор, и, самое главное, дневник.

Он сел на скрипучую кровать, взял дневник в руки. Кожаный переплет был стерт до блеска, углы замяты. Он открыл его на последней странице. Там было всего одно предложение, выведенное четким, почти каллиграфическим почерком, который так не вязался с его обычными каракулями: «Я найду лестницу к тайне или умру».

Элай закрыл глаза. Он провел пальцем по чернилам. Это была не просто запись. Это была клятва. Мантра, которую он повторял каждый раз, когда отчаяние подступало к горлу. Он сделал её для себя. Тайна, которая принадлежит только ему. Никто не знает об этих словах. Он приехал сюда, чтобы найти эту лестницу, потому что, достигнув вершины — где бы она ни была — он сможет или обрести смысл, или, по крайней мере, поставить точку. Покончить с этой вечной гонкой и обрести такой ему нужный покой.

Он вспомнил ту старую легенду, которую он слышал тогда, в прокуренной кофейне Стамбула. Бородатый старик с глазами, в которых плескалось безумие, дергал его за рукав и шептал: «Господин, господин, ты ищешь правду? Правда не в книгах. Правда на горе. Есть место, где камни плачут, а время стоит. Там, где лестница уходит в скалу, как лезвие ножа. Тот, кто поднимется по ней до конца, станет... всем. Или никем. Но он точно увидит, что скрыто». Тогда Элай рассмеялся и дал старику монету. Но ночью он не спал, обдумывая каждое слово. Теперь, спустя десятилетие, он понял, что старик говорил именно об этом месте.

Он подошел к окну и отодвинул занавеску. На площади было пусто. Только туман стелился по земле, как живая субстанция. И он увидел их. Дети. Шесть или семь маленьких фигурок. Они играли в странную игру. Они становились в круг, один из них падал на землю и замирал, раскинув руки, как распятый. Остальные стояли вокруг него, молча, опустив головы. Потом тот, кто лежал, резко вскакивал, встряхивал головой, и все начинали бегать по кругу, издавая какой-то высокий, монотонный звук.

Элай вздрогнул. «Умирают и воскресают», — пронеслось у него в голове. Они имитировали падение. Это было неестественно, неправильно. Обычные дети играют в салки, а не в похороны. Он отвел взгляд, и в этот момент ему показалось, что в каждом окне напротив мелькнула чья-то фигура. Занавески дернулись, словно за ними кто-то стоял и наблюдал. За ним. За приезжим.

Элай отступил от окна. Его сердце колотилось. Он полез в карман, достал свои карманные часы — старые, швейцарские, которые он носил с собой двадцать лет. Он щелкнул крышкой. Секундная стрелка дернулась, застыла и... остановилась. Она показывала 3:33. Точно, как часы на ратуше.

«Сломались», — подумал он первым делом, и начал заводить механизм. Пружина крутилась туго, он чувствовал сопротивление, как всегда. Но стрелки не двигались. Они были мертвы. Он поднес часы к уху. Никакого тиканья. Только глухое молчание, которого раньше никогда не было.

Он снова взглянул на улицу. Туман сгустился. Он был серым, как пепел. Городок будто затаил дыхание. И Элай понял одну страшную вещь, которая пришла не как догадка, а как холодное знание: дело не в часах. Дело в этом месте. Время здесь текло иначе, или не текло вовсе. Оно стояло на месте, застыло, как та смола в янтаре, которая заживо хоронит насекомых.

Он сел на кровать, обхватив голову руками. Он должен быть предельно осторожным. Этот городок, эти статуи, эта Лестница — все это было приманкой. Или ловушкой. Но отступать он не мог. Каждый нерв его тела кричал об опасности, но внутри, в том самом тихом пламени, которое горело уже десять лет, жила другая мысль: «Наконец-то. Я почти пришел».

Он решил завтра с утра осмотреть город. Но сначала он дотошно запишет все свои впечатления, чтобы не поддаться иллюзиям. Он был слишком умен, чтобы поддаваться панике, и слишком глуп, чтобы уехать. Элай Блэквуд выдохнул, лег в кровать, не раздеваясь, и устался в треснувший потолок. Он чувствовал взгляды из каждого окна. Он слышал, как дети на площади затихли, и только ветер — которого не было — завывал за стеной, имитируя чей-то далекий плач.

Глава 2

Элай Блэквуд не спал. Точнее, он провалился в то пограничное состояние, которое называют дремотой, когда мозг продолжает работать, фиксируя каждый шорох. Сон был колючим и беспокойным, как шерстяное одеяло, которым его укрыла Тесса. Ему снились статуи — они шевелились, поворачивали свои каменные головы, и черные слезы текли по их лицам, собираясь в лужи на полу его комнаты. Он проснулся в холодном поту, когда сквозь щели в ставнях пробился тусклый, молочный свет утра.

Утро в Стоун-Холлоу оказалось серым и липким. Туман не рассеялся, а лишь поднялся чуть выше, превратив городок в аквариум с мутной водой. Элай умылся из медного таза, чувствуя, как металлический привкус воды въедается в кожу. Он побрился — тщательно, потому что привык выглядеть прилично, даже когда его душа напоминала выжженное поле, — и спустился вниз.

Тесса уже хлопотала у стойки. Завтрак был тем же, что и ужин: хлеб, похлебка, травяной чай, который горчил и обжигал горло. Элай ел молча, но чувствовал на себе взгляд трактирщицы. Она переминалась с ноги на ногу, теребя край передника, явно ожидая, когда он заговорит.

— Ну как вам ночевалось, мистер Блэквуд? — спросила она наконец, подливая ему в кружку еще отвратительной бурды.

— Как-то не очень, — честно ответил Элай. — Тихо и сыро.

Тесса хихикнула, но смех её был нервным, как у курицы, увидевшей лису.

— Скажу я вам, мистер Блэквуд... Вы, как поедите, сходили бы в ратушу. К нашему главе, Аарону. Он любит знакомиться с гостями. Это у нас такое... правило, что ли. Все чужаки, которые сюда заезжают, должны засвидетельствовать почтение.

Элай поднял бровь. Это звучало как-то по феодальному, будто он попал в средневековье, где сеньор требует оммаж от каждого проезжего.

— А если я откажусь? — спросил он, пробуя чай.

Тесса замялась, и в её глазах мелькнула такая искренняя тревога, что Элаю стало не по себе.

— Лучше не отказываться, мистер. Аарон Вейн — человек серьезный. Он заботится о нашем городке. И если вы в нем не представитесь... ну, могут возникнуть неудобства. Двери могут закрыться перед вами, или еще что-нибудь.

Элай усмехнулся. Угрозы, замаскированные под заботу. Он знал этот прием. Власть всегда прячется за улыбкой. Но он не был тем человеком, кто бежит от проблем. Напротив, он шел на них с мрачным упорством охотника.

— Хорошо, миссис Тесса, — сказал он, поднимаясь и надевая плащ. — Передайте вашему Аарону, что я приду. Посмотрим, что за птица этот ваш глава.

Ратуша с близкого расстояния выглядела еще более зловещей. Камень, из которого она была сложена, казался неестественно темным, будто впитал в себя всю сырость столетий. Дверь, та самая, покосившаяся, со скрипом отворилась, когда Элай толкнул её. Его встретил запах ладана и старой бумаги. Внутри было темно и пусто, и только в конце длинного коридора горела свеча, отбрасывая пляшущий оранжевый круг на потертый деревянный пол.

Элай пошел на свет. Его шаги гулко разносились по коридору, и он чувствовал себя пилигримом, входящим в храм, где его ждет не божество, а нечто пострашнее.

Дверь в кабинет мэра была приоткрыта. Элай толкнул её и вошел.

Кабинет был просторным, с высоким потолком и огромными окнами, которые, впрочем, почти не пропускали света из-за мутных стекол. Вдоль стен стояли шкафы, забитые книгами в кожаных переплетах. В центре комнаты находился массивный дубовый стол, за которым сидел мужчина.

Аарон Вейн поднялся ему навстречу. Он выглядел лет на сорок, хотя внешность его была обманчиво юной. В нем чувствовалась порода — тонкие черты лица, бледная, почти прозрачная кожа, и высокий лоб философа. Его волосы, черные, с легкой проседью у висков, были зачесаны назад, открывая лицо, которое можно было бы назвать красивым, если бы не его глаза. Глаза Аарона были светло-серыми, почти стальными, и они смотрели так, будто видели не Элая, а его скелет, его грехи, его тайны. Он улыбался, и улыбка его была широкой, дружелюбной, с обнажением ровных белых зубов, но Элай знал этот тип улыбок. Так улыбаются палачи, желающие казаться добрыми.

— Мистер Блэквуд! — воскликнул Аарон, обходя стол и протягивая руку. Его голос оказался удивительно мелодичным, текучим, как мед. — Наконец-то! Я слышал, что вы прибыли вчера, и уже хотел послать за вами. Добро пожаловать в Стоун-Холлоу! Как вам наш скромный уголок?

Элай пожал протянутую руку. Рука была сухой и горячей, как у человека с лихорадкой.

— Сыровато, — ответил Элай сдержанно. — Но красиво. Горы впечатляют.

— О, горы! — Аарон вздохнул, будто речь шла о возлюбленной. — Наша гордость, наша защита. Они смотрят на нас, мистер Блэквуд, и мы смотрим на них. И знаете, я уверен, что они нас любят.

Он подвел Элая к креслу, жестом предлагая сесть. На столе стояла графин с темной жидкостью и два бокала. Аарон разлил вино, и его терпкий запах заполнил комнату. Он подал бокал Элаю.

— Местное, — сказал он с гордостью. — Из винограда, который растет на южных склонах. Маленький секрет нашего города. Попробуйте.

Элай поднес бокал к губам и сделал глоток. И чуть не поморщился. Вместо вина он проглотил уксус — кислый, резкий, обжигающий горло. Он с трудом подавил рефлекс выплюнуть и, сглотнув, поставил бокал на стол.

— Пикантное, — сказал он нейтрально. — С характером.

Аарон усмехнулся, и в его глазах мелькнула насмешка. Он знал, что вино — дрянь, и хотел посмотреть на реакцию. Элай не дал ему удовольствия.

— Так что привело вас в наши края? — спросил Аарон, откидываясь на спинку кресла и пристально глядя на гостя. — Слухи о невиданных красотах? Или что-то более серьезное?

Элай чувствовал, что его проверяют. Каждый вопрос был зазубренной стрелой, выпущенной с лёгкой небрежностью. Аарон не просто любопытствовал — он сканировал его, искал слабые места.

— Я историк, — сказал Элай, выбрав безопасную правду. — И этнограф. Я собираю старые легенды. В этом регионе, как мне сказали, их много.

— Легенды? — Аарон приподнял бровь, и его улыбка стала чуть шире. — Ах, легенды! Да, мы богаты ими. Но ведь легенды — это всего лишь сказки для детей, не так ли?

— Сказки — это самый короткий путь к правде, — парировал Элай. — Как сказал один мудрец, в каждой легенде есть зерно истины.

Аарон кивнул, и Элай заметил, как на его пальце блеснуло кольцо. Но сейчас он отвлекся на слова главы города.

— Истина, — протянул Аарон. — А что есть истина, мистер Блэквуд? Наука? Или вера? Или, может быть, то, что мы выбираем считать истиной? У нас, в Стоун-Холлоу, есть свои истины. Мы живем по старым правилам. Правилам, которые нам оставили предки.

Он поднялся, подошел к стене, где висела медная табличка. Она была размером с книгу, массивная, с выгравированными буквами, которые поблескивали в свете свечи. Надпись гласила:

«Правила Гостеприимства Города Стоун-Холлоу:

Никто не выходит из дома после полуночи.

Никто не смотрит в зеркала после заката.

Никто не спрашивает у другого его настоящий возраст.

Нарушивший правило карается одиночеством».

Элай прочитал, и у него вырвался короткий смешок. Это было смешно. Абсурдно. Как в детской страшилке.

— Простите, — сказал он, прикрывая рот ладонью. — Я не хочу показаться неучтивым, но... это шутка, да? Запрет смотреться в зеркало? Это что-то вроде местного суеверия?

Он посмотрел на Аарона. Глаза мэра были мертвыми. Абсолютно пустыми. Улыбка застыла на его губах, но она не доходила до глаз, которые смотрели на Элая с холодной серьезностью.

— Это не шутка, мистер Блэквуд, — тихо сказал Аарон, и в его голосе исчезла вся мелодичность. — Это правила. Они были созданы нашими предками. И мы чтим их. Вы будете чтить их тоже, пока гостите у нас. Это не обсуждается.

Элай почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он перечитал правила еще раз. «Одиночество» — странное наказание. Не казнь, не тюрьма. Одиночество. От этого слова веяло чем-то древним и неправильным.

— И что значит «карается одиночеством»? — спросил он, стараясь сохранить невозмутимость.

Аарон снова улыбнулся, и его лицо разгладилось, будто он просто пошутил.

— Это значит, что мы перестаем общаться с нарушителем. Мы не замечаем его. Мы закрываем двери. Никто не здоровается с ним на улице. Он становится... призраком. И призраки не выживают долго в Стоун-Холлоу. Вы же понимаете, человек — существо социальное. Одиночество убивает быстрее ножа.

Элай сглотнул. Он понял. Это был контроль. Тотальный, незаметный контроль. Запреты, которые казались смешными, были инструментами управления. Нарушая их, ты становился изгоем. И в маленьком городе, затерянном в горах, где ближайшее село в трех днях пути, это был смертный приговор.

Да ты мог их и не нарушать, но кто-нибудь мог просто донести на тебя главе, что ты нарушаешь. Это был инструмент управления людьми.

— Что ж, — сказал Элай, — интересные правила. Я постараюсь их не нарушать. Но, знаете, я всегда был плохим слушателем.

Аарон рассмеялся, но смех его был сухим, как треск костра.

— Думаю, вы привыкнете. Все привыкают. Или уезжают. У нас есть и такие. Но те, кто уезжают... они редко находят то, что ищут. А часто — и вовсе не находят дороги обратно.

В этот момент Элай снова заметил кольцо. Аарон поднес руку к лицу, поправляя воротник, и камень блеснул алым светом — ярко, как уголек, хотя в кабинете было сумрачно. Кольцо было старым, массивным, из желтого золота, и в него был вправлен камень невероятного цвета — рубин, который казался не красным, а кровавым, с внутренним огнем. Элай знал драгоценности. Этот камень стоил целое состояние. И он не мог быть найден в этих горах. Его огранка была не местной — слишком сложная, ювелирная работа, которая говорила о Востоке, о древних мастерских, которых уже не существует.

— Красивое кольцо, — сказал Элай, пытаясь звучать беспечно. — Вы привезли его из столицы? Я редко вижу такие камни в провинции.

Аарон опустил руку и спрятал ладонь в карман. Движение было быстрым, почти нервным. Его глаза на секунду сузились, но улыбка осталась.

— Это семейная реликвия, — сказал он. — Символ власти. Передается от главы к главе. Вы говорите о столице, мистер Блэквуд, но в Стоун-Холлоу есть свои сокровища. Мне его подарил предыдущий глава, когда уходил на покой. А ему — его предшественник. И так испокон веков.

— И откуда же оно появилось у первого главы? — не унимался Элай.

Аарон пристально посмотрел на него. Тишина затянулась на несколько секунд, и в этой тишине Элай услышал, как за окном где-то далеко завывала собака. Аарон наклонился вперед, опершись локтями о стол.

— Там, откуда берутся все тайны нашего города, — сказал он, и его голос стал вкрадчивым, как у змеи. — Из горы. Гора щедра к тем, кто её уважает. Она дает нам пищу, кров и.

... иногда — сокровища. Но это наша тайна, мистер Блэквуд. Вы ведь не станете требовать, чтобы мы выложили вам все наши секреты в первый же день?

Он усмехнулся, и в его усмешке было столько силы, что Элай на мгновение почувствовал себя мухой, которую паук пригласил на обед.

Аарон встал и подошел к окну. Он смотрел на гору — она была видна даже сквозь мутное стекло, огромная, темная, с белыми прожилками тумана.

— Наш город хранит великую тайну, мистер Блэквуд, — сказал он, и голос его был полон почти религиозного экстаза. — Великую. Все здесь счастливы, потому что мы знаем о ней. Мы знаем, что есть нечто большее, чем хлеб и зрелища. Нечто, что дает нам силу жить. Мы не ищем выгоды. Мы не ищем славы. Мы ищем покой. И мы его нашли. У вас в городах все бегают, суетятся, пытаются урвать кусок побольше, построить империи. А мы просто живем. И нам этого достаточно.

Элай слушал его и чувствовал, как внутри закипает раздражение. Это лицемерие, эта напускная мудрость. Он много раз слышал подобные речи. От гуру, от сектантов, от политиков. Все они обещали покой и счастье, а за спиной прятали цепи.

— Вы сказали про горы, — вдруг вспомнил Элай, меняя тему. — Я хотел бы осмотреть склоны. Для моих исследований. Вы позволите?

Аарон обернулся. Его лицо снова было безмятежным, но в глазах мелькнула тень — быстрая, как удар бича.

— О, мистер Блэквуд, я бы не советовал, — сказал он с театральным сожалением. — В этом году на севере были сильные дожди. Гора нестабильна. Камни падают, тропы осыпаются. Мы потеряли двух пастухов в прошлом месяце. Они пошли по старой тропе, и земля ушла у них из-под ног. Мы до сих пор не нашли тел. Гора — она живая, мистер Блэквуд. Она дышит. И она не любит, когда её беспокоят.

Элай внутренне напрягся. Это был прямой запрет. Вежливый, мягкий, но абсолютный.

— Я буду осторожен, — сказал он. — Я бывал в горах и похуже.

— Я уверен, что вы опытный путешественник, — ответил Аарон, и его голос стал тверже. — Но в Стоун-Холлоу мы заботимся о наших гостях. И если с вами что-то случится, я не смогу смотреть в глаза своей совести. Я настаиваю: не ходите к горе. Мы не хотим потерять еще одного приезжего. Погуляйте по городу. Посмотрите на озеро, оно прекрасно в это время года. Но гора — это табу. Для вас, как для гостя. Надеюсь, вы меня понимаете.

Элай хотел возразить, но увидел выражение лица Аарона. Улыбка исчезла. Он смотрел на Элая, и в его стальных глазах не было ни капли тепла. Это был взгляд человека, который не привык, чтобы ему перечили. И Элай понял: сейчас не время. Он кивнул.

— Я понимаю, — сказал он, поднимаясь. — Благодарю за предупреждение. И за вино.

Аарон проводил его до двери, положив руку на плечо. Его пальцы сжались чуть сильнее, чем нужно, оставляя ощущение чужой, враждебной силы.

— Добро пожаловать в Стоун-Холлоу, мистер Блэквуд, — сказал он. — Наслаждайтесь нашим гостеприимством. И помните о правилах. Они созданы не для того, чтобы ограничивать, а чтобы защищать.

Элай вышел из ратуши и выдохнул. Его спина была мокрой от пота. Он быстро зашагал по площади, чувствуя, как на него смотрят из окон. Городок, который днем казался пустынным, теперь будто притаился, ожидая, когда он сделает ложный шаг.

Он прошел по главной улице, мимо церкви без креста, мимо закрытой кузницы. Везде висели медные таблички с правилами. Он заглянул в окно одного из домов и увидел, как женщина, стоя перед зеркалом, накинула на него покрывало. Солнце уже клонилось к закату, хотя время было всего лишь три часа дня.

Ночь опустилась слишком быстро. Туман сгустился за какие-то минуты, превратив улочки в молочные реки. Элай вернулся в гостиницу с тяжелой головой. Его мысли путались.

«Всё это какой-то сюрреализм. Правила, тайны, запреты. Этот Аарон — он не просто мэр. Он ведет себя как жрец. Он проповедует культ. И эта гора... она им нужна. Им нужна их тайна. Они не хотят, чтобы я ее нашел. А значит — я на правильном пути».

Тесса встретила его у двери, и в её глазах было беспокойство.

— Ну что, мистер Блэквуд? — спросила она, шепотом. — Поговорили с главой?

— Поговорил, — буркнул Элай, снимая плащ. — Он сказал мне не лезть к горе. Мол, обвалы.

Тесса отвела взгляд и принялась натирать стойку тряпкой, хотя на ней не было ни пылинки.

— Аарон Вейн знает, что говорит, — сказала она тихо. — Он умный. Всегда был умным. Может, и правда не стоит туда соваться? У нас и так каждый год кто-то пропадает. Может, вам лучше заняться чем-то другим. Ну, посидеть у нас в трактире, выпить чаю... Я вам сплетен расскажу, знаете, сколько у нас интересного!

Элай посмотрел на неё. Он знал, что она просто боится. Она не хотела ему зла, она просто хотела, чтобы он остался жив. Но он не мог остановиться.

— Спасибо, Тесса, — сказал он, кладя руку на её плечо. — Но я приехал не за сплетнями. Я приехал за правдой. И если она в той горе, я туда пойду. Хоть с обвалами, хоть без.

Он поднялся наверх, запер дверь и сел на кровать. Он достал дневник и открыл его. Снова прочитал свою клятву: «Я найду лестницу к тайне или умру». В этом городе, в этом трактире, со странными правилами и мэром с мертвыми глазами, он чувствовал себя ближе к смерти, чем когда-либо. Но он также чувствовал себя ближе к цели. И это было самое страшное и одновременно самое обнадеживающее ощущение в его жизни.

Глава 3

Элай лежал на жесткой кровати, глядя в потолок, где тени от уличных фонарей плясали в такт невидимому ветру. Сон не шел. Он вообще избегал этого места, словно чувствуя, что здесь, в Стоун-Холлоу, сны могут стать слишком реальными. Слишком опасными.

Мысли ворочались в его голове, как камни в мутной воде. Он перебирал все, что увидел и услышал за день. Часовая стрелка, застывшая на 3:33. Статуи плачущих людей вдоль перевала. Правила на медной табличке. Аарон Вейн с его медовым голосом и глазами, в которых не было ни капли тепла. Кольцо, светящееся алым огнем в темноте кабинета. И этот кислый вкус вина, который до сих пор стоял у него во рту, как предвестие отравы.

«Он слишком улыбчив, — думал Элай. — Слишком вежлив. Он говорит о покое и счастье, но городок мертв. Дети играют в похороны, женщины прячут зеркала, а по улицам никто не ходит после наступления темноты. Это не спокойствие — это страх. Замороженный, консервированный страх, который стал здесь образом жизни».

Элай вспомнил свою жену, Сару. Как она стояла у плиты, напевая какую-то глупую песенку, и как он сидел за столом, уткнувшись в очередную книгу о языческих культах. Она просила его выйти в сад, подышать воздухом. Он отмахивался. «Сейчас, Сара. Еще минуту». Эта минута длилась три месяца. И когда он вернулся, её не стало. Теперь он смотрел на этот город, на этих людей, и видел ту же самую одержимость. Только здесь она была коллективной. Здесь все были одержимы тайной, которую охранял этот улыбчивый жрец с кольцом на пальце.

«Что они скрывают? — спрашивал он себя. — Что за дар сулит эта лестница? И почему Аарон так отчаянно не хочет, чтобы я подошел к горе?»

Ответа не было. И в этом была самая страшная мука.

Элай сел на кровати. Его тело ныло, но душа требовала движения. Он не мог больше лежать в этой душной комнате, где воздух пах сыростью и страхом. Он должен был увидеть

ночной город своими глазами. Должен был почувствовать его пульс. Или убедиться, что пульса нет.

Он знал, что нарушает правило. Это было глупо. Опасно. Но что-то внутри него — та самая тихая искра, которая горела в его душе уже десять лет, — толкало его вперед. Он не мог сидеть сложа руки, когда истина была так близко, за этими каменными стенами, в этой безумной тишине.

«Правила созданы для тех, кто боится, — прошептал он в темноту. — А я давно перестал бояться. Я просто ищу».

Он накинул плащ и бесшумно, как тень, спустился по скрипучим ступеням. Внизу было тихо. Тесса ушла к себе, огонь в камине почти погас, и только красные угли тлели в пепельной постели. Элай проскользнул мимо стойки, отодвинул тяжелый засов на задней двери и вышел на двор.

Ночь была чернильной. Туман висел низко, почти у самой земли, и его серые клочья обнимали его сапоги, как руки утопленников. Луна пряталась за облаками, и только редкие звезды пробивались сквозь молочную пелену. Двор гостиницы был маленьким, с сараем и колодцем. Элай сделал несколько шагов и замер.

У старой конюшни стоял человек.

Он был высоким, худым, и его длинная тень тянулась по земле, сливаясь с туманом. Человек держал в руках что-то белое — ткань, которая колыхалась на ветру. Он стоял неподвижно, как статуя, и смотрел на Элая. Но в его позе не было угрозы. Напротив, он казался испуганным, сжавшимся.

Элай медленно подошел ближе. В свете, пробивающемся из кухонного окна, он разглядел лицо незнакомца. Это был мужчина лет пятидесяти, с бледной, изможденной кожей, глубоко запавшими глазами, цвет которых в темноте нельзя было определить, и длинной седой бородой, похожей на паутину. Его волосы, когда-то черные, теперь были тронуты обильной проседью и торчали во все стороны, как у человека, который давно перестал заботиться о своей внешности. Одежда его была бедной: залатанный сюртук, изношенные брюки, и огромные руки, унизанные мозолями, с длинными, тонкими пальцами, которые держали ткань.

Элай заметил, что ткань была странной. Это был саван — длинный, белый, с вышитыми по краям темными символами. Те самые символы, которые он видел на церкви: круг, перечеркнутый диагональю.

Мужчина улыбнулся. Это была нервная, дерганая улыбка, которая больше напоминала гримасу. Он открыл рот, но вместо слов из него вырвался только хриплый, сиплый звук — как будто кто-то перерезал ему горло, и голосовые связки срослись неправильно.

Элай понял. Немой.

Он вспомнил, что Тесса упоминала какого-то портного. Иезекииль. Да, точно. Она говорила, что он шьет самые лучшие в городе вещи, но странный, нелюдимый. И что он живет на краю города, у самого леса.

— Вы Иезекииль? — спросил Элай шепотом.

Портной энергично закивал, не переставая оглядываться по сторонам. Его глаза метались от окна к окну, от двери к двери. Он казался загнанным зверем, который вышел из норы только ради того, чтобы предупредить другого зверя о капкане.

Он схватил Элая за рукав, и его пальцы — холодные, цепкие, как корни — дернули историка в сторону, под навес конюшни, где тень была гуще. Элай позволил увести себя. Он чувствовал, что этот человек знает что-то важное, что хочет сказать ему, но не может. Или боится.

Иезекииль опустился на корточки и, достав из кармана кусок угля, начал чертить что-то на земляном полу. Его рука дрожала, линии выходили рваными, но Элай сразу понял, что это. Лестница. Она уходила вверх, к чему-то, что напоминало вершину. Портной ткнул пальцем

в рисунок, потом поднял свою длинную, костлявую руку и указал на гору за городом. Пик-Рэйвен. Та самая гора, куда Аарон запретил ему ходить.

Элай кивнул, показывая, что понимает. Иезекииль облегченно выдохнул, но улыбка тут же сползла с его лица. Его глаза расширились от ужаса. Он уставился на край двора, и Элай, проследив за его взглядом, увидел их.

Патруль.

Три фигуры вышли из тумана, как призраки. Они двигались беззвучно, и только редкие хруст гравия под ногами выдавал их присутствие. На них была простая, темная одежда, и на поясах висели дубинки. Но самое странное — на их лицах были маски. Белые, гладкие, без единого отверстия для глаз или рта. Они выглядели как лица мертвецов, застывших в вечном безмолвии. Шли они медленно, методично, и Элай понял: они не просто патрулируют — они ищут.

Патруль возглавлял мужчина, который шел чуть впереди остальных. Он не носил маски. Его лицо было открыто, и в свете редких фонарей оно казалось почти красивым: гладко выбритое, с тонкими, острыми чертами и высокими скулами. Ему было на вид лет тридцать, но выражение его глаз было старше — пустым и внимательным одновременно. Темные волосы были коротко подстрижены, и на виске виднелся тонкий, белый шрам, как от ожога. Он был худым, подвижным, и каждое его движение выдавало охотника. Он шел мягко, как кошка, и его глаза сканировали пространство с такой интенсивностью, что Элай невольно затаил дыхание.

Сайлас. Элай не знал его имени, но он знал этот тип людей. Он видел их в армии, в темных переулках, в грязных городах. Это были люди, которые не задавали вопросов. Они просто выполняли приказы. И в их глазах не было ни капли сострадания — только абсолютная преданность тому, кто стоял выше.

Иезекииль задрожал. Его лицо побелело, и он начал отползать назад, в тень конюшни. Элай хотел что-то сказать, но портной приложил палец к губам, и в его взгляде была такая мольба, что Элай сжал зубы. Патруль прошел в нескольких метрах от них. Сайлас остановился, принялся, как пес, почуявший чужой запах, и повернул голову в сторону конюшни. Его взгляд на секунду встретился с глазами Элая. Сердце историка пропустило удар. Но Сайлас просто отвел взгляд и двинулся дальше, скрывшись в тумане, как будто их никогда и не было.

Иезекииль вскочил на ноги и, не оглядываясь, бросился в темноту. Его длинная фигура растворилась в молочной мгле быстрее, чем Элай успел моргнуть. Только белый саван мелькнул в последний момент, как крыло призрака.

Элай остался один. Он смотрел на рисунок на земле. Лестница уже стиралась под ногами, но образ её намертво врезался в память. Иезекииль хотел помочь ему. Он показал путь. Но он боялся. Боялся так, что у него тряслись руки. И это было главное, что понял Элай: в этом городе страх был не просто эмоцией. Он был воздухом, которым дышали. Он был водой, которую пили. Он был законом.

Элай вернулся в гостиницу, проверил карман. Монета, которую он хотел дать портному в знак благодарности, все еще была там. Иезекииль вернул её. Вернул и показал знак, который Элай сначала не понял. Он провел пальцем по горлу, потом — по глазам. «Мне не нужны деньги. Они ничего не стоят». Или, может быть: «Деньги здесь не спасают».

Внутри трактира было тепло. Тесса вышла из своей комнаты и сидела у потухающего камина, поджав ноги, пила что-то темное из кружки. Увидев Элая, она не удивилась. Только покачала головой, как учительница, заставшая ученика за шалостью.

— Я знала, что вы полезете на улицу, мистер Блэквуд, — сказала она устало. — Ох, знала. Вы слишком уж любопытный. Это вас погубит.

Элай сел напротив неё и вытянул ноги. Он чувствовал, как адреналин все еще бурлит в крови.

— Я встретил Иезекииля, — сказал он тихо. — На заднем дворе.

Тесса вздрогнула. Её глаза расширились, и она на мгновение прикусила губу.

— Иезекииль? — переспросила она. — Что вы с ним делали?

— Он хотел мне что-то сказать. Показал дорогу к горе. А потом появился какой-то патруль.

— Сайлас, — тихо произнесла его имя Тесса.

При звуке этого имени Тесса побледнела. Она быстро перекрестилась — странным жестом, который Элай не узнал.

— Сайлас, — повторила она, и её голос стал похож на шепот змеи. — Вы видели Сайласа? И он вас не заметил? Это чудо, мистер Блэквуд. Настоящее чудо. Этот человек... он как собака. Если он почуял что-то, он не остановится. Он будет преследовать вас до самого конца. До последнего вдоха.

Элай нахмурился.

— Почему ты так его боишься? Он всего лишь исполняет приказы.

— Он не просто исполняет приказы, — жестко сказала Тесса, подавшись вперед. — Он верит в них. Понимаете? Сайлас не верит в Бога. Он не верит в черта. Он верит в Аарона. Для него закон города — это закон Вселенной. Если Аарон скажет «прыгни», Сайлас прыгнет. Скажет «убей» — он убьет. И улыбнется при этом, потому что для него это святое дело. Это не просто служба, мистер Блэквуд. Это религия.

Элай помолчал. Он видел таких фанатиков. Они были страшнее любой армии, потому что их нельзя было купить, запугать или переубедить. Они шли к цели, как машины.

— Странные у вас тут порядки, — сказал он.

— У нас тут не порядки, — вздохнула Тесса, отпивая из кружки. — У нас тут жизнь. Мы так живем. Многие с рождения. Мы не знаем другой. А вы приехали и говорите, что это странно. Но для нас это нормально. Как у вас в городе — шум, суета. Это для нас странно.

— А как же часы на ратуше? — спросил Элай, меняя тему. Он видел, что Тессе неприятно говорить о Сайласе и Аароне, но не мог удержаться. — Они остановились на 3:33. И никто их не чинит. Это ведь странно, правда?

Тесса улыбнулась, и в её улыбке появилась та самая неуверенность, которую Элай уже начал замечать у всех местных. Она не знала ответа, но боялась признаться в своем незнании.

— Так у нас нет часового мастера, — сказала она. — Они стояли ещё до того, как я тут появилась. Я приехала в Стоун-Холлоу пятнадцать лет назад, и они уже не работали. Привыкли, наверное. Мы смотрим на них и знаем, что время есть, но оно неважно. Здесь другое время.

— Другое время? — переспросил Элай.

Тесса махнула рукой, отмахиваясь от его вопроса.

— Вы слишком много думаете, мистер Блэквуд. Спите мало. Это вас изматывает. Хотите, я вам налью травяного чая? Успокаивает.

— Спасибо, не надо, — отказался Элай. — Но, если у вас есть книги, я бы почитал. О местных легендах.

Тесса замаялась, но потом её лицо просветлело.

— А ведь есть! — сказала она, хлопнув себя по колену. — У нас есть библиотека! Старая, в доме Сэмюэля. Он умер лет десять назад, и его дом перешел в собственность города. Там полно книг. Старых, пыльных, с плесенью. Аарон хотел их сжечь, но мы не позволили. Сказали, что пусть стоят. Никому они не мешают. Если хотите, завтра я вас провожу. Миссис Фримен, смотрительница, пустит.

Элай кивнул. Библиотека. Это было то, что ему нужно. Там, среди старых бумаг, могла быть разгадка.

— Спасибо, Тесса, — сказал он. — Ты очень добра.

Тесса улыбнулась, но Элай заметил, что её улыбка дрогнула. Она хотела что-то сказать, но передумала. Вместо этого она поднялась и пошла к лестнице.

— Спите, мистер Блэквуд, — сказала она с порога. — Спите и не нарушайте больше правил. Прошу вас. Ради вашей же безопасности.

Она ушла, и Элай остался один в темном трактире. Он смотрел на тлеющие угли и думал о портном, который рисовал лестницу. О патруле с белыми масками. О Сайласе с его горячими, фанатичными глазами. И о кольце Аарона, которое светилось в темноте.

«Завтра я пойду в библиотеку, — решил он. — И я найду там ключ к этой тайне. А потом я пойду к горе. Даже если это будет стоить мне жизни».

Он поднялся в свою комнату, запер дверь и сел на кровать. За окном снова завыл ветер, или, может быть, это была собака. А может, кто-то другой. Элай закрыл глаза и погрузился в тяжелый, липкий сон, полный лестниц, уходящих вверх, в самое небо.

Глава 4

Утро пришло в Стоун-Холлоу такое же серое и липкое, как и предыдущее. Туман не исчез, он лишь поднялся чуть выше, открывая взгляду крыши домов и острые шпили церкви, но гору все еще скрывала молочная пелена. Элай спустился в трактир, быстро проглотил похлебку — она была такой же безвкусной, как и вчера, — и, не тратя времени на пустые разговоры с Тессой, направился к библиотеке.

Тесса дала ему краткие указания: «Идите по главной улице до церкви, потом сверните налево, там увидите старый дом с зеленой дверью. Это и есть библиотека».

Элай шел быстро, стараясь не смотреть по сторонам. Но он чувствовал взгляды. Они были повсюду — из щелей в ставнях, из-за занавесок, из-за углов. Городок наблюдал за ним, как стая ворон следит за падалью. Каждый встречный — а их было немного — опускал глаза, когда Элай проходил мимо, и ускорял шаг. Никто не улыбался. Никто не здоровался. Они просто проходили мимо, как тени, и Элай чувствовал, что он здесь чужой. Чужой, которого терпят, но не принимают.

Здание библиотеки оказалось именно таким, как описывала Тесса: старый, почерневший от времени деревянный дом с облупившейся зеленой дверью. Окна были запыленными, и через них почти ничего не было видно. Над дверью висела табличка с выцветшей надписью: «Городская библиотека имени Сэмюэля Брауна. Основана в 1772 году». Под ней, на той же медной пластине, но уже другой рукой, было выгравировано знакомое правило: «Никто не выходит из дома после полуночи».

Элай толкнул дверь. Она открылась с протяжным, жалобным скрипом, и его встретил запах плесени, старой бумаги и воска. Внутри было темно, только несколько свечей горели на стойке, отбрасывая оранжевые круги на пыльный пол. Книги стояли на высоких стеллажах, уходящих под самый потолок, и их было так много, что они, казалось, давили на стены своей тяжестью. Элай почувствовал, как его сердце забилось быстрее. Он любил книги. Они были его единственной настоящей семьей после того, как он потерял Сару. Он мог часами сидеть в библиотеках, перелистывая пожелтевшие страницы, вдыхая запах веков.

За стойкой сидела пожилая женщина. Она была маленькой, сухой, как осенний лист, с седыми волосами, собранными в тугий пучок, и острым, птичьим лицом. На носу у неё сидели круглые очки в металлической оправе, и она смотрела поверх них на вошедшего с явным подозрением.

— Доброе утро, — сказал Элай, стараясь говорить как можно дружелюбнее. — Меня зовут Элай Блэквуд. Я гость города. Мне бы хотелось ознакомиться с вашими книгами по местной истории и фольклору.

Женщина медленно опустила книгу, которую держала в руках, и сняла очки. Её глаза — выцветшие, бледно-голубые — уставились на Элая с ледяным спокойствием.

— Вы не местный, — сказала она. Это был не вопрос. Это была констатация факта.

— Я только что сказал, что я гость, — ответил Элай, пытаясь сохранить терпение.

— Я знаю, кто вы, мистер Блэквуд, — сказала женщина, и в её голосе появилась нотка, от которой у Элая похолодело в животе. — Мне доложили. Книги не выдаются чужакам. Только горожанам.

Элай нахмурился. Это было абсурдно. В цивилизованном мире библиотеки были открыты для всех. Даже в самых захолустных городках он мог получить доступ к архивам, просто назвав свое имя и цель визита.

— Я историк, — сказал он, стараясь говорить ровно. — Я занимаюсь исследованием местных легенд. Это не для развлечения. Это научная работа. Мне нужны старые записи, хроники, возможно, дневники первых поселенцев.

— Я слышала, что вы историк, — ответила женщина, и её губы скривились в подобии улыбки, которая не коснулась глаз. — Но это не меняет правил. Книги — для своих. Вы — чужак. Приходите, когда станете своим.

— И когда же я стану своим? — спросил Элай, уже начиная закипать.

Женщина пожала плечами. Жест был медленным, почти театральным.

— Это зависит не от меня. Это зависит от Аарона. Если глава города даст добро, я открою для вас двери. Но пока он не дал. И, судя по тому, что мне известно, он не даст.

Элай почувствовал, как его челюсти сжались. Аарон. Конечно. Этот улыбчивый гад уже успел перекрыть ему кислород. Он дал указание не пускать Элая в библиотеку, потому что знал: именно там могут быть ответы на вопросы, которые Элай задает. Аарон хотел, чтобы он оставался в неведении, как и все остальные в этом проклятом городе.

— Понятно, — сказал Элай, сдерживая гнев. — Благодарю за информацию.

Он повернулся и вышел из библиотеки, хлопнув дверью так, что звякнуло стекло в окнах. Он шел по улице, сжимая кулаки, и в его голове роились мысли, черные и злые.

«Это не просто библиотека, — думал он. — Это хранилище. Они боятся, что я узнаю правду. Аарон держит людей в неведении, контролирует информацию. Это первый признак тоталитарного культа».

Он остановился на площади и посмотрел на людей, проходящих мимо. И тут он заметил то, что ускользнуло от его внимания вчера. У всех жителей — у мужчин, женщин, даже у детей — на шее висели кулоны. Маленькие, металлические, на кожаных шнурках. И символ на них был один и тот же: круг, перечеркнутый диагональной линией. Тот самый, который он видел на церкви. Тот самый, который был выгравирован на перстне Аарона.

Элай замер. Его взгляд скользнул от одного прохожего к другому. Мужчина, несший корзину с овощами, носил кулон. Женщина, стиравшая белье у колодца, носила кулон. Маленькая девочка, игравшая в куклы у крыльца, тоже носила кулон. Все они носили этот знак. Но никто не носил креста.

Элай подошел к одной из старух, сидевшей на скамейке и вязавшей носки. Она была старой, с глубокими морщинами и белыми, как снег, волосами. На её шее висел тот же кулон.

— Простите, — сказал Элай, стараясь говорить как можно мягче. — Можно спросить, что означает этот символ?

Старуха подняла на него глаза. Они были мутными, катаракта застилала зрачки, но в них мелькнула искра понимания.

— Это лестница, сынок, — прошамкала она. — Путь к свету.

— К какому свету? — спросил Элай, чувствуя, как внутри нарастает холодное возбуждение.

Старуха улыбнулась. Улыбка её была беззубой, почти детской, и в ней было что-то жуткое.

— Ты не из наших, — сказала она. — Ты не поймешь. Когда придет время, все поймут. Все поднимутся.

Она отвернулась и продолжила вязать, как будто Элай исчез. Он постоял еще несколько секунд, потом развернулся и быстрым шагом направился обратно к гостинице.

«Лестница, — думал он. — Это символ лестницы. Они все поклоняются лестнице и тому, куда она ведет, тому, что в конце неё. Это культ. Не просто суеверие, а организованная религия. Христианство здесь заменено чем-то другим, чем-то более древним».

Он ворвался в трактир, где Тесса натирала стойку. Она подняла голову, увидела его лицо и нахмурилась.

— Выглядите так, будто увидели призрака, — сказала она. — Библиотека не пустила?

— Не пустила, — буркнул Элай, садясь за стол. — Скажи мне, Тесса, что это за символ? Я видел его на церкви, на кольце Аарона, на кулонах всех жителей. Что это за вера?

Тесса перестала натирать стойку и медленно выдохнула. Она подошла к столу, села напротив Элая, и наклонилась к нему, понизив голос до почти шепота.

— Это наша вера, — сказала она. — Мы называем себя Ждущими.

— Ждущими чего? — спросил Элай, чувствуя, как его сердце начинает биться быстрее.

Тесса оглянулась по сторонам. В трактире никого не было, но она все равно продолжала говорить шепотом, будто стены могли подслушивать.

— Мы ждем того, кто придет по лестнице. Того, кто найдет путь. Мы верим, что когда-нибудь лестница откроется для всех, и тот, кто достоин, поднимется по ней и увидит истину. Аарон говорит, что мы все должны быть готовы. Что мы должны очистить свои души и ждать знака.

Элай смотрел на неё, и в его голове вспыхивали образы. Десятки культов, которые он изучал за свою жизнь. Везде один и тот же паттерн: пророк, обещание спасения, строгие правила и полный контроль над жизнью паствы.

— А что на вершине? — спросил он. — Что они увидят?

Тесса пожала плечами, и в её глазах мелькнула тень неуверенности.

— Никто не знает. Только Аарон, наверное, он там бывал. Он говорит, что это великая тайна. Что мы должны верить. И мы верим. У нас нет другой надежды.

— Тесса, — сказал Элай, — это звучит как секта. Такой культ может быть опасен.

Тесса нахмурилась, и её лицо стало жестче.

— Это не секта. Это наша традиция. Мы так живем уже сто лет, с самого основания города. Это не Аарон придумал. Это было до него. Аарон просто... продолжил.

— И что было до Аарона? — настаивал Элай.

Тесса задумалась. Она теребила передник, и её глаза бегали из стороны в сторону, будто она искала ответ в воздухе.

— Я не знаю, — призналась она наконец. — Никто не знает. Старые книги все в библиотеке, но их никто не читает. Аарон говорит, что мы должны смотреть вперед, а не назад. Что прошлое не важно. Важно будущее. Важно ожидание.

Элай горько усмехнулся. Типичная тактика любого культа: отрезать людей от их истории, чтобы они не могли увидеть, как их предками манипулировали точно так же.

— Можно посмотреть на вашу гравюру? — спросил он вдруг. — Ты говорила вчера, что у тебя есть изображение.

Тесса удивленно моргнула, потом кивнула. Она поднялась и жестом пригласила его за стойку, в небольшую комнатку, которая служила ей спальней. Комната была маленькой, уютной, с кроватью, застеленной лоскутным одеялом, и старым комодом. На стене, прямо над кроватью, висела гравюра в деревянной раме.

Элай подошел ближе и замер.

Гравюра была старой, выцветшей, но изображение все еще было четким. На ней были изображены люди — десятки фигур в длинных одеждах, стоящих на коленях перед скалой. Они смотрели вверх, на темный силуэт, который был вырезан в камне. Этот силуэт лишь отдаленно напоминал человека. У него были две руки, но они были слишком длинными, непропорциональными, и они тянулись к людям, как будто благословляли их. Лица у фигуры не было — только гладкая, черная поверхность, на которой, однако, угадывались очертания глазниц, пустых и бездонных. Ноги у него были толстыми, неуклюжими, как у каменного идола, и они уходили глубоко в скалу, будто он был частью горы. Внизу гравюры была надпись на старом, вышедшем из употребления наречии, но Элай смог разобрать несколько слов: «И узрят они свет».

Он долго смотрел на это изображение. В его голове всплыли воспоминания. Мьянма. Небольшая деревня в джунглях, где он изучал местные племена. У них тоже был похожий культ, но там он был мирным. Они поклонялись духам гор, приносили им цветы и рис, и верили, что духи охраняют их от болезней. У них были похожие статуи — черные, безликие, с длинными руками, которые они называли «Защитниками». Но там это было просто суеверие, смешанное с буддизмом. Здесь же... здесь это выглядело иначе. Жестче. Здесь в этой гравюре было что-то угрожающее. Люди на ней стояли на коленях не с мольбой, а с ужасом. Они не поклонялись — они умоляли.

— Ваш культ... он мирный? — спросил Элай, поворачиваясь к Тессе.

Тесса улыбнулась, и улыбка её была почти детской, с той самой верой, которая не терпит сомнений.

— Конечно, мистер Блэквуд, — сказала она. — Наша вера — самая лучшая. Мы просто ждем. Мы молимся. Мы верим, что придет день, когда лестница откроется, и мы все увидим правду. Какое же в этом зло?

Элай смотрел на неё и видел искренность. Она действительно верила в то, что говорила. Она не была злой, не была обманутой в привычном смысле. Она была просто... ослепленной. Как те люди в Мьянме, которые приносили цветы идолам, чтобы те не гневались. Только здесь роль идола исполнял Аарон, а роль ритуала — строгие правила и этот странный символизм.

Он вспомнил слова Аарона: «Мы ищем покой». В этом и была суть. Синкретическая религия — смесь христианских ритуалов, которым они следовали по привычке, и языческого поклонения силам земли. Они взяли у христианства обрядовость, страх перед высшей силой, понятие греха. А у язычества — поклонение природе, горе, камням. И скрестили это в нечто новое, странное и глубоко зависимое от воли одного человека — Аарона, который был не просто мэром, а жрецом, толкователем воли этого безликого силуэта из скалы.

Элай вышел из комнаты Тессы и поднялся к себе. Он чувствовал себя так, будто только что заглянул в бездну. Бездну, в которой люди по собственной воле отказывались от свободы, потому что боялись пустоты.

Он открыл свой саквояж и достал старый компас. Это был подарок Сары, сделанный в последний год их брака. На задней стенке было выгравировано её имя, и при виде этих букв у Элая на секунду перехватило дыхание. Он щелкнул крышкой компаса и положил его на стол.

Стрелка дернулась, покрутилась и застыла.

Она указывала не на север. Она указывала на гору. Пик-Рэйвен.

Элай перевернул компас. Стрелка снова дернулась и снова застыла, глядя на гору. Это было невозможно. Компас был исправен — он всегда работал безупречно. Он брал его в экспедиции в самые дикие уголки мира, и стрелка всегда находила север. Но здесь, в Стоун-Холлоу, она игнорировала магнитное поле Земли. Она указывала только на одно место.

Элай поднес компас к окну. Стрелка на мгновение дрогнула, но снова повернулась к горе, как верная собака, почуявшая хозяина. Он перевел взгляд на Пик-Рэйвен. Гора выглядела

огромной и темной, её вершина скрывалась в тумане. И в этот момент Элай понял: дело не в компасе. Внутри горы есть что-то, что притягивает стрелку. Что-то с огромной энергией. Что-то металлическое. Может быть, странные руды или что-то таинственное.

«Слишком много аномалий для одного места, — подумал он. — Часы, стоящие на 3:33, магнитное поле, указывающее на гору, статуи, выглядящие как застывшие люди, культ, поклоняющийся силуэту в скале. Это не просто совпадения. Здесь что-то есть. И это что-то — не просто легенда».

Он захлопнул крышку компаса, сунул его в карман плаща, и решительным шагом направился к двери. Он знал, куда ему нужно идти. Церковь. Та самая церковь без креста, которую он видел в первый день. Если там есть хоть какие-то записи, хоть какие-то подсказки, он должен их найти.

Он спустился вниз, прошел мимо Тессы, которая удивленно посмотрела на него, и вышел на улицу. Туман за эти часы стал еще плотнее. Он стелился по земле, скрывая мостовую, и фигуры людей, проходящих мимо, казались призраками, плывущими в молоке.

Глава 5

Церковь Стоун-Холлоу стояла на небольшом возвышении, в тени огромного старого вяза, ветви которого тянулись к небу, как скрюченные пальцы. Элай подошел к ней с чувством, которое он не мог описать словами — смесь любопытства, отвращения и холодного, ледяного страха. Здание было старым, сложенным из того же темного камня, что и ратуша, и его стены казались впитавшими в себя всю сырость столетий. Над входом, там, где обычно висел крест, красовался тот самый символ — круг, перечеркнутый диагональной линией. Лестница.

Дверь была приоткрыта, и изнутри доносилось пение. Оно было низким, монотонным, похожим на гул пчелиного роя, и в нем не было ни радости, ни печали — только какая-то странная, гипнотическая отрешенность. Элай толкнул дверь и вошел внутрь.

В церкви было темно. Свет проникал только через узкие, стрельчатые окна, затянутые мутным стеклом, которое превращало солнечные лучи в серые, болезненные полосы. Воздух был тяжелым, спертым, пахло воском, ладаном и еще чем-то сладковатым, почти приторным — запахом, который Элай не мог идентифицировать, но который вызывал у него тошноту.

Скамьи были заполнены людьми. Они стояли, опустив головы, и их голоса сливались в единый, низкий гул. Элай протиснулся к задней скамье, стараясь не привлекать внимания. Никто не обернулся. Все были поглощены ритуалом, их глаза были закрыты или устремлены в пол. Они казались не людьми, а марионетками, которые двигались по команде невидимого кукловода.

И этим кукловодом был Аарон Вейн.

Он стоял у алтаря, и Элай едва узнал его. Вместо элегантного сюртука, в котором он принимал гостей в ратуше, на нем была длинная черная мантия, доходящая до пола, с широкими рукавами, расшитыми золотыми нитями. Его волосы были зачесаны назад, и на лбу блестела тонкая золотая диадема с тем же символом. Его лицо было бледным, почти прозрачным в свете свечей, и глаза его, стальные, пронзительные, горели фанатичным огнем. Он держал в руках тяжелую книгу в черном переплете и читал из нее, и его голос, медовый и вкрадчивый, заполнял все пространство церкви, проникая в самые темные уголки душ прихожан.

— «Ибо сказано: смерть есть ложь, — вещал Аарон, и его голос звенел, как колокол. — Смерть — это дверь, за которой нет конца. Те, кто боятся её, не знают истины. Но те, кто принимают страдание, кто приносят жертву, те открывают эту дверь. Страдание — ключ. Жертва — замок. И только тот, кто готов отдать, сможет получить. Только тот, кто готов умереть, сможет жить вечно».

Элай почувствовал, как его кожа покрылась мурашками. Эти слова были древними, как само время, и в них звучала та самая первобытная жестокость, которую он изучал в книгах о языческих культах. Жертвоприношение. Искупление через страдание. Это было не христианство, даже в самом извращенном его виде. Это было что-то другое — что-то, что пришло из тех времен, когда люди приносили кровавые дары богам, чтобы те не гневались.

Он перевел взгляд на алтарь и замер. Перед Аароном стояла большая чаша, сделанная из темного металла. Она была украшена теми же символами, и из неё поднимался пар. Аарон опустил в неё руку и поднял ковш, из которого что-то капало — красное, густое, похожее на вино.

— Идите ко мне, — сказал Аарон, и его голос стал мягче. — Идите, вкусите от плода нашей веры. Ибо тот, кто вкусит, тот очистится от страха и станет частью великого ожидания.

Люди начали двигаться. Они выходили из скамей, выстраиваясь в длинную очередь, и, подходя к Аарону, опускались на колени. Он подносил ковш к их губам, и они пили. Медленно, благоговейно, как будто это было самое святое, что они когда-либо делали. Некоторые плакали, их лица были мокрыми от слез, но они не вытирали их. Другие улыбались, и их улыбки были пустыми, как маски.

Очередь дошла до Элая. Он не заметил, как это произошло, но вдруг он уже стоял перед Аароном, и лицо жреца было так близко, что он видел каждую морщинку вокруг его глаз. Аарон посмотрел на него, и на его губах мелькнула тонкая, едва заметная усмешка.

— Добро пожаловать, мистер Блэквуд, — прошептал он, так что только Элай мог слышать. — Я рад, что вы присоединились к нам. Искусите и вы. Это большая честь, многие этого ждут очень долго, но для вас мы сделаем исключение.

Он протянул ковш. Элай взял его в руки. Жидкость внутри была красной, почти черной в тусклом свете, и она имела запах. Сладковатый, металлический, терпкий. Запах, который Элай знал слишком хорошо. Запах, который он чувствовал в больницах, когда хирурги резали пациентов. Запах крови.

Элай поднес ковш к лицу. Запах стал сильнее, и он почти не сомневался. Это была кровь. Чья-то кровь, разбавленная чем-то, возможно, вином или водой, но кровь. Ему стало дурно. Он опустил ковш и покачал головой.

— Благодарю, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал ровно. — Я воздержусь.

Аарон наклонил голову, и его глаза стали жестче. Несколько человек из очереди обернулись и посмотрели на Элая. В их взглядах не было гнева, только любопытство — холодное, пустое любопытство, как у животных, увидевших что-то необычное.

— Как пожелаете, — сказал Аарон, и его голос был тихим, но в нем слышалась угроза. — Но помните: только тот, кто пьет, становится своим.

Элай отступил назад, освобождая место для следующего прихожанина. Он отошел к стене и прислонился к холодному камню, пытаясь успокоить дыхание. Сердце колотилось, как бешеное. Кровь. Они пили кровь. И это не было символом — это было реальностью.

Через несколько минут, когда все получили свою порцию, Аарон поднял руку, и толпа затихла. Его голос снова зазвучал, но теперь в нем появилась торжествующая нотка.

— Мои дорогие, мои верные, — сказал он. — Я принес вам добрую весть. На следующей неделе наступит День Избрания. День, когда один из нас встанет на путь истины и войдет в ворота Вечности. День, когда мы все приблизимся к лестнице ещё на один шаг.

Толпа взорвалась. Люди начали кричать, хлопать в ладоши, и Элай увидел в их лицах нечто, от чего у него похолодело внутри. Это была не радость. Это была истерика. Дикая, животная истерика, рожденная страхом. Они улыбались, но их глаза были широко открыты, зрачки расширены, и они дрожали, как осиновые листья.

Аарон поднял руку, призывая к тишине, и она наступила мгновенно. Он сделал знак, и из толпы вывели старуху. Ту самую, с которой Элай говорил на площади. Она шла медленно,

сгорбившись, и её лицо было мокрым от слез. Она плакала, но никто не обращал на это внимания. Люди вокруг неё не смотрели на неё — они смотрели на Аарона, как заворуженные.

Старуха подошла к алтарю и упала на колени. Её руки тряслись, и она что-то шептала, но Элай не мог разобрать слов. Аарон наклонился к ней и положил руку на её седую голову.

— Тот, кто избран, войдет в ворота Вечности, — произнес он, и его голос звучал почти нежно. — Ты, моя дорогая, станешь первой. Ты откроешь дверь для всех нас. Ибо жертва чиста, когда она добровольна.

Старуха подняла голову и посмотрела на него. В её глазах был ужас, но она кивнула. Она кивнула, как будто действительно верила, что это будет хорошо.

И в этот момент Элай понял. Избранный — это жертва. Они выбирают кого-то, и этот кто-то должен умереть. Принести себя в жертву. И они называют это даром. Они называют это честью.

— Это безумие! — вырвалось у Элая, прежде чем он успел остановить себя.

Голос прозвучал в тишине церкви, как выстрел. Люди обернулись. Десятки глаз уставились на него — холодные, пустые, чужие. Элай понял, что совершил ошибку. Он слишком громко выразил свои мысли. Он раскрыл себя.

— Это жертвоприношение, — сказал он, уже не в силах замолчать. — Вы приносите человеческую жертву! Как вы можете называть это верой? Как вы можете поклоняться боже-ству, которое требует крови?

Аарон поднял голову и посмотрел на него. Его лицо не изменилось — оно оставалось таким же спокойным, как у человека, который смотрит на муху, севшую на край его стакана. Он подал знак рукой.

— Кто этот человек? — спросил он, хотя прекрасно знал, кто это.

— Чужак, — ответил кто-то из толпы. — Тот самый историк, который остановился у Тессы.

— Чужак, — повторил Аарон, и в его голосе появилась сталь. — Ты не житель этого города, Элай Блэквуд. Ты не имеешь права находиться здесь, в нашем святом месте. Ты не знаешь нашей веры. Ты не понимаешь нашей любви. Ты пришел сюда, чтобы судить, но кто дал тебе это право?

Он подошел к Элаю, и его фигура в черной мантии нависла над ним, как тень.

— Вон отсюда, — сказал он тихо, но так, что слышали все. — Пока я не приказал вывести тебя силой. Ты здесь не нужен. Ты здесь не желан. И если ты еще раз переступишь порог этого храма, ты узнаешь, что значит быть изгоем в Стоун-Холлоу.

Двое мужчин из толпы подошли к Элаю и схватили его за руки. Они были сильными, молчаливыми, с теми же пустыми глазами, что и остальные. Они выволокли его из церкви и швырнули на землю. Элай упал, ободрав ладонь о камни, и, подняв голову, увидел Сайласа.

Он стоял у входа, прислонившись к стене, и улыбался. Улыбка была широкой, почти дружелюбной, но в ней не было ни капли тепла. Его глаза блестели, как у хищника, который только что прогнал со своей территории соперника. Он посмотрел на Элая, покачал головой, как будто говорил: «Ну что, доволен?», и медленно, с ленцой, исчез в темноте церкви.

Элай поднялся, отряхнул плащ и, не оглядываясь, пошел к гостинице. Внутри него кипела ярость. Ярость на этого лицемера, на этих слепых овец, на всю эту проклятую систему, которая притворялась религией, а была ничем иным, как культом смерти.

Он ворвался в трактир. Тесса стояла за стойкой, натирая посуду, и, увидев его лицо, вздрогнула.

— Боже мой, мистер Блэквуд, — сказала она. — Что случилось? Вы выглядите так, будто увидели призрака.

Элай сел за стол, схватил кружку с водой и выпил её залпом. Вода была холодной, но это не успокоило его.

— Я был в церкви, — сказал он, переводя дыхание. — Я видел всё. Ту воду, которую они пьют. Это кровь, Тесса. Я знаю запах крови. Они пьют чью-то кровь.

Тесса замерла. Её руки остановились, и она посмотрела на него с выражением, которое он не мог прочесть.

— Ох, мистер Блэквуд, — сказала она, и в её голосе послышалось раздражение. — Я был там и видел это своими глазами. Ты знаешь что-нибудь об этом?

— Да нет, — сказала Тесса, но её голос дрогнул. — Это не кровь. Это вино. Но они никому не дают его пить. Я столько лет здесь работаю, а мне еще ни разу не дали попробовать.

— А вам предложили?

— Да, — ответил Элай.

— А вот мне не оказали такую честь, наверное, у Аарона на вас есть планы — тихо, даже почти шепотом, сказала Тесса.

Элай нахмурился, а потом спросил.

— Почему тебе не предлагали?

Тесса вздохнула и села напротив него. В её глазах появилась грусть, смешанная с чем-то вроде надежды.

— Потому что я такая же, как и ты, мистер Блэквуд. Я чужачка для них. Я пришла в этот город пятнадцать лет назад, когда мне было почти столько же, сколько тебе сейчас, и меня обещали принять в свои ряды. Аарон сказал, что если я буду верно служить городу, если я буду соблюдать правила и ждать, то когда-нибудь меня признают своей.

— И сколько же ты будешь ждать? — спросил Элай.

— Сколько нужно, — ответила Тесса, и в её голосе прозвучала сталь. — Так что скоро я тоже попробую этот напиток, мистер Блэквуд. И тогда я скажу тебе, на что он похож. Может быть, ты ошибаешься. Может быть, это просто вино, как они говорят. Ты ведь мог и ошибиться.

— Я не ошибаюсь, — сказал Элай. — Я знаю запах крови. Я слишком часто его чувствовал в своей жизни. И знаешь, что мне показалось странным? Они даже не заметили, что я был среди них, пока я не заговорил. Они так внимательно слушали Аарона. Как будто он был... как будто он был богом.

Тесса улыбнулась, и в этой улыбке Элай увидел что-то, чего не замечал раньше. Влюбленность. Настоящую, почти детскую влюбленность.

— Да, он умеет очаровать, — сказала она, и её щеки слегка порозовели. — Я даже не скрываю. Вот я, старая дура, а влюбилась в него по уши. Он говорит такие вещи... такие красивые вещи. Он говорит о свете, о вечности, о том, что мы все будем спасены. Как можно не любить такого человека?

Элай смотрел на неё и чувствовал, как его ярость постепенно сменяется холодным пониманием. Тесса не была глупой. Она была умной, очень умной. Она уходила от сложных ответов, уводя разговор в любовное русло, потому что не хотела говорить правду. Она знала больше, чем показывала, но она боялась. Боялась потерять свой шанс стать «своей». Боялась одиночества.

— Как думаешь, — сказала Тесса, и её голос стал заговорщицким, — он бы меня заметил, если бы я стала одной из его прихожанок? Ну, если бы я получила эту воду? Может быть, я ему даже понравлюсь?

Элай улыбнулся, но это была горькая улыбка. Он вдруг понял, что Тесса не жертва в обычном смысле. Она была как все они — человеком, который цеплялся за иллюзию, потому что реальность была слишком страшной. Она знала о крови. Знала о жертвах. Но она убеждала себя, что это не так, потому что иначе ей пришлось бы смотреть правде в глаза. А правда была слишком ужасной.

— Ты уже ему нравишься, — сказал Элай, не в силах сказать правду. — Как можно не заметить такую женщину?

Тесса засмеялась, легко и радостно, и в её смехе не было ни капли того страха, который Элай видел в церкви.

— Ох, мистер Блэквуд, вы умеете говорить комплименты, — сказала она, поднимаясь. — Идите спать. Вы слишком много думаете о плохом. Завтра будет новый день. Может быть, всё не так уж и страшно, как вам кажется.

Элай поднялся и пошел к лестнице. Он чувствовал себя опустошенным. Он вошел в свою комнату, запер дверь и рухнул на кровать, не раздеваясь. Он смотрел в потолок, и в его голове крутилась одна мысль: «Что же пообещал ей Аарон? Что он сказал ей такого, что она так отчаянно защищает его? Любовь? Или что-то большее? Или она просто не хочет остаться одна, как я?».

Он закрыл глаза, и перед ним снова возникла старуха, стоящая на коленях у алтаря. Её слезы, её дрожащие руки. «Избранная». Жертва. Он должен был что-то сделать. Но что он мог сделать один против целого города, одержимого культом смерти?

Глава 6

Элай проснулся с чувством, что его голова набита ватой. Тело было тяжелым, будто он провел ночь, таская камни, а не лежа в кровати. Он сел, потер лицо ладонями и попытался вспомнить, что ему снилось. Воспоминания ускользали, оставляя только неприятный осадок — липкий, тревожный, как паутина на коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.